
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Валерий Савостьянов
(г. Тула)

PERSONALIA

Родился в Тульской области в 1949 г. Окончил Тульский политехнический институт. Живет в Туле. Член Союза писателей России, Международной Гильдии писателей, Тульского клуба православных писателей «Родник». Автор 10 книг и множества публикаций в российских и международных изданиях. Стихи входят в антологии: «Русская поэзия: XXI век», Военной поэзии «Ты припомни, Россия, как все это было!...», «Молитвы русских поэтов» (М., 2013), и др. Лауреат ряда литературных премий, фестивалей, конкурсов. Книга Валерия Савостьянова «Русский крест» (Тула, 2014) вошла в СПИСОК лучших произведений русской литературы 2014 года. И она же награждена в Германии Дипломами двух международных конкурсов на лучшую русскоязычную книгу года (Берлин, 2015; Лейпциг, 2015) и в России Дипломом Южно-Уральской литературной премии (Челябинск, 2015). При необходимости подробнее см. сайт «Стихи.ру» и ссылки на этом сайте.

СЫН КУЗНЕЦА И МЕДСЕСТРЫ

Прилежней нет в селе чтеца:
Всю ночь порой на кухне.
Сын медсестры и кузнеца
Давно уж не был в кузне.

Уходит в лес он, жжет костры —
И вот уж свищут птицы:
Сын кузнеца и медсестры
Чурается больницы.

«Сынок, пора бы выбирать!
Чем будешь ты кормиться? —
Мальчишку спрашивает мать, —
Не кузня, так больница...»

«Сынок, никак я не пойму,—
Отец пыгает парня,—
Что ближе сердцу твоему:
Шприцы иль наковальня?..»

Щепотка соли, пять картох,
Тетрадка в рюкзакишке.
Что выбирать, коль выбрал Бог —
И свет Его в мальчишке?..

И смят листок — сто слабых строк
В костре пылают новым.
Зачем пыгать? Пыгает Бог,
Пыгает парня Словом!

Вот он — с тетрабочкой худой,
Худой, но увлеченный —
Поет, обедая водой
С картошкой печеной.

А что поет? Стихи поет,
На слух стькуя звуки.
И снова пишет,
Снова рвет
В бреду блаженной муки!

Будь счастлив, парень!
Пой, чудак!..

Но встретится девчонка —
И бросит оземь свой рюкзак
Небритый мужичонка!

И проклянет — свой дар,
Свой труд,
Где никакой зарплаты:
Стихи не сеют, мол, не жнут —
И не годятся в сваты!

И вспомнит мамины бинты,
Огонь отцова горна...
А Бог посмотрит с высоты —
И засмеется горько!..

РОЖОК

Я еще застал рожок,
Настоящий, деревенский —
Будто мягкий голос женский
Собирал нас на лужок.

Поутру под ветхий кров
Звуки нежные вторгались,
И проворнее коров
Мы на улицу сбегались.

Шли деревней пастухи.
Кнут свистел — и пыль, как порох,
Вдруг взрывалась!
Петухи
Голосили на заборах.

В мире утреннем, живом
Все светилось от восторга,
И казался волшебством
Шар, встающий из-за стога...

Гнали стадо на луга,
Заливные, клеверные —
Вились волосы льняные
У мальчонки-пастуха.

Он играл, играл, играл,
Будто сказывал былину —
Даже злого бугаину,
Видно, за сердце он брал:

Опечаленный бугай
Шел, губой кольцо качая,
Никого не замечая,
Хоть под носом пробегай...

ФУРАЖКА

(В День Победы)

В боевом солдатском званье,
В гордом званье старшины,
В новом обмундированье
Возвратился дед с войны.

Гимнастерку и рубашку,
Пару яловых сапог
Износил он. А фуражку
Почему-то все берег.

Надевал фуражку в праздник,
Очень ею дорожа.
Бабка скажет: «Новой разве
Нету? Все для куража!

Как в такой пойдешь к соседу:
Не хозяин что ль рублю?

На базар поеду в среду —
Шляпу там тебе куплю...»

Дед припрятанную «Старку»
Брал: да что тут говорить? —
Спорить с бабкой, что по танку
Из винтовочки палить...

Не спеша он шел к соседу,
Что под Курском воевал,
И с соседом за Победу
«Старку» — чаркой распивал.

С ним, осколком ослепленным,
Пел о самом дорогом,
Пел и плакал!
И граненым —
Пил за мертвых самогон!

Добирались и до бражки...
Правда, ум не пропивал:
Никогда чужой фуражки,
Уходя, не надевал.

Перед бабкой отвечая,
Говорил: «Да что там пью? —
От чужих же отличаю
Я фуражечку свою!»

«...Отчего ж тебя качает,
Что корову в борозде?
Знаю, как ты отличаешь:
Ты ж — на ощупь, по звезде!..»

Дед молчал. Когда ж от брани
Строгой бабки уставал,
Не ложился на диване —
Уходил на сеновал.

И проваливаясь в небыль
От нахлынувшей тоски,
Видел он, как шли по небу
Краснозвездные полки.

Там по цвету и по лаку,
По немеркнувшей звезде —
Узнавал свою фуражку!
Ту, что в доме, на гвозде...

СУМАСШЕДШИЕ

В старинных зданиях Петелинской* больницы
Надежны стены, окна — крепости бойницы.
Фашисты ставили в те окна пулеметы —
Какие мощные естественные доты!
Какой обзор — в бинокль Упа** почти что рядом.
Их не достанешь тут ни пулей, ни снарядом...
Ну а больных, чтоб не мешались под ногами,
Гони на улицу прикладом, сапогами.
Зачем психованным пилюли и постели:
Лежачим — пули, остальным — гулять в метели.
Так поднимай же их с кроватей, полусонных —
Пусть убираются в чем есть: в одних кальсонах...

Гора Осиновая***, Упское***, Барьково***,
Вы столько видели, но только не такого!
А не хотите ли еще вы этих, шедших
Куда глаза глядят, раздетых сумасшедших?
А если кто из них и вылечен — понятно,
От лютой стужи он с ума сошел обратно...
Присады Нижние*** и обе Еловые***,
Недалеки до вас дорожки полевые,
Но если ноги, если руки — как сосульки,
Не добрести, не доползти до вас за сутки.
А доползешь — не трогай лихо, если тихо —
Кому же нужен лишний рот, к тому же психа...

Помог ли кто им? Знать — не знаю. Но едва ли:
Их немцы — гнали, и свои — не принимали.
Спроси в Никитино***, в Бредихино***, в Ильинке*** —
Ну кто их вспомнит? И нужны ли им поминки,
Тем, что по улицам прошли, как привиденья,
За восемь лет почти
До моего рожденья?
Ну разве только моя тетка пожилая
Поставит свечку им и рая пожелает.
Забьется сердце у нее, как у синицы.
Она всю жизнь свою работала в больнице.
Теперь она за всех убогих молит Бога.
Наверно, тоже сумасшедшая немного...

МАМЕНЬКА

Ветер холоден и выюжен —
Оглашенный снеговой...

* Петелино — поселок недалеко от г. Тулы.

** Упа — река в Тульской области.

*** Осиновая Гора, Упское (Сергиевское), Барьково, Нижние Присады, Большая и Малая Еловые, Никитино, Бредихино, Ильинка — деревни под Тулой.

Никому-то ты не нужен,
Кроме маменьки своей.

Огонек далекий светит
Из-под ставенки одной.
И никто тебя не встретит,
Кроме маменьки родной.

Ты оборван и не выбрит,
Колесованный бедой —
И никто слезу не вытрет,
Кроме маменьки седой...

Ты уснешь,
Но в сон твой дышит
Огнедышащий дракон —
И никто твой стон не слышит,
Кроме мамы у икон.

За окошком вьюга воев,
Бесы лезут на порог,
Но стоит Великий Воин,
Воин Духа, поперек...

А проснешься — варит, жарит.
С торбой снеди и обнов
Так никто не провожает —
Только маменьки сынов!

На развилке у пригорка,
Где поземка иву гнет,
Так никто не крестит горько,
Что-то зная наперед...

И не зря тебе казаться
Стало вдруг на склоне лет:
Богородицей Казанской
Смотрит маменька вослед.

ЛАЙ

Видно, впрямь ты что-то знаешь,
Что-то чувствуешь за тьмой,
Если лаешь, лаешь, лаешь,
Верный пес мой, Шарик мой.

Кость любимую не гложешь,
Сам не спишь и нам уснуть
Не даешь. Сказать не можешь, —
Выйду — тянешься лизнуть.

Вор ли, недруг у забора
Часа ждет, что попоздней?
Но для недруга и вора
Лай и жестче, и грозней.

А в твоём тоска такая!
Будто близкий умер кто.
Лаешь, лаешь, намекая
Ты на что-то. А на что?

Что такое там, за мраком,
За туманами, во мгле,
Что известно лишь собакам,
Вам единым на земле?..

* * *

Был дом с коровой продан за бесценок,
Пошел, как говорится, с молотка.
Не жалко —
Никаких особых пенек
Мы сроду не снимали с молока.

Да что там дом —
Избушка в три окошка:
Войдешь, и тянет голову пригнуть.
А рядом клуб —
И песни, и гармошка.
И до утра порою не уснуть.

Теперь никто под окнами не пляшет,
На весь квартал — гармошки не сыскать.
Восьмой этаж!..
А мама вяжет, вяжет,
Чего-то ждет — и спать никак не ляжет.
А свяжет —
Начинает распускать...

РОЩИЦА ПРОЗРАЧНАЯ, НАГАЯ

Рощица прозрачная, нагая,
Листья днями прошлыми шуршат.
Есть ли на Земле земля другая,
Чтобы так умела утешать?

Озеро все прожитые годы
Отражает, словно камыши.
Есть ли на Земле другие воды,
Чтобы так смывали боль с души?

Русские холмы — как милой груди,
Буйный бор — как братья во хмелю.

Есть ли на Земле другие люди,
Коих так — без жалости — люблю?

Перекресток Крест на сердце высек,
Чтобы вместе верить и страдать...
Есть ли на Земле другие выси,
Что так обещают Благодать?

ПОКА МЫ С ВАМИ НЕЗНАКОМЫ

Есть у мечты свои законы —
В один из них я посвящен:
Пока мы с Вами незнакомы,
Я очарован, я — смущен.

Я начинаю заикаться,
Не веря собственным глазам,
Что нищ мой мир классификаций:
Ваш лик — подобен образам!

Я встречи новой, неслучайной,
Ищу, как праздника, уже:
Ваш голос музыкой венчальной
Священнодействует в душе...

Прошу Вам колкую улыбку,
Легко солгав, что по пути,
И буду сумку, словно скрипку,
До дома бережно нести.

И в майский час, когда мы вместе
Идем к метро по январю,
Вам подарю охапки лести
И три тюльпана подарю!..

Пока мы с Вами незнакомы,
Мне Богом, кажется, дано
Благоухание балкона,
Где Ваше светится окно,

И вечер с трепетною тайной,
Сюжет загадочно-любой,
Где звать Вас — Музой или Таней,
Где звать Вас — Ольгой иль Судьбой...

Владимир Трусов*
(г. Мончегорск, Мурманская область)

ИМПЕРСКОЕ ЛИРИЧЕСКОЕ

* * *

Писать стихи не хочется,
Чернила — желчь и йод.
Да только одиночество
Поблажек не дает
И требует служения
Монашеству под стать.
О чьем-нибудь вторжении,
Ну, разве, что мечтать
Могу по старой памяти.
И кто я есть таков,
Желать честной компании
В период отпусков
На широте без малого
Арктической? Эхма,
Не лучше снега талого
Все доводы ума —
То вроде наводнение,
То слякоть — размазня.
Ни в жизнь, чтобы сомнения
Оставили меня,
И пусть. Ведь даже с возрастом
От них я не помру...
Рука чудесным образом
Вновь тянется к перу...
И в сердце откровением
Нисходит Божий свет,
И вовсе нет забвения,
И даже смерти нет,
Покуда длится таинство,
Почти, что волшебства,
Пока в судьбу сплетаются
Слова, слова, слова.

* Наш постоянный автор.

СТРАННАЯ СТРАННОСТЬ

На асфальт просыпал кто-то
Воробьев и крошки хлеба,
Песню улицы раскрасив
По-дворовому вполне.
А на вечную скамейку,
Что под кленом пустовала,
Предложил присесть идущим
Просто так — тебе и мне.

Мы взглянули друг на друга.
И с улыбкою нежданной
Ты мне руку протянула
И сказала мне: «Привет!»
Я тебе поверил сразу.
Знать и вправду нам с тобою
Одиночество бывшее
Застилало белый свет.

Все же радостно и странно
Ощутить счастливым случай,
И понять, что это чудо
Нас с тобой не обошло.
Рассыпались карамелью
Трели рейсовых трамваев,
Удивленных, что кому-то
В наше время повезло.

Так, казавшийся безбрежным
Город, вдруг посторонился.
Сколь незрячим и нелепым
Здесь бывает человек.
Оттого мы знать не знали,
Мы и думать-то не смели,
Что для нас однажды летом
Распахнется новый век.

* * *

Не прощай нам, Господи, ничего!
И когда десятком на одного,
И когда один супротив толпы,
И когда умаслит кривой слепых:
Зоркость-де от бедности не спасет,
А во тьме сойдет на продажу все,
Или от народа добро сгноят!
Коль не оскудеет рука твоя,
Наши не отсохнут. А ну, еще!
Эх, азартно, весело, горячо,
Копошилась куча-мала-гурьба!

Ну, из скольких выдавили раба,
Пояса советуя затянуть?
Ни к чему вытаптывать верный путь!
Хлестко бы да скоро, да широко!
Ожиданье в снятое молоко
Превратит в итоге любой нектар!
О похожем смолоду я мечтал
Да окстился вовремя. Может быть
Шуранул зазря поперек судьбы,
Только так он по всему честней.
И какой я крови, от чьих корней,
Забывать мне или таить не след,
Особливо здесь, на своей земле,
Где навзрыд порою душа поет.
Знать я отъюлил, отолгал свое,
Хоть, по меньшей мере, надежда есть,
Если речь ершистую взялся весть,
И не захлебнулся пока слюной.
Пусть беда шуршит по пятам за мной.
Заварить бы солнцем тугу — печаль...
Ничего мне, Господи, не прощай!

* * *

Уже которую версту
Лишь ночь — глаз выколи и падай!
Но я, вспоровший темноту
Внезапной дикой эскападой,

Восстал впервые супротив
Традиций самосохраненья,
Спиной свободу ощутив
Сквозь вздохи, страхи и сомненья,

Мол, быть собой не по зубам
Рабу известных обстоятельств,
Хоть сердца верный барабан
Морзянку гнал: «Окстись, приятель!

И не особенно дерзи
Судьбе. Откуда эта смелость,
Коль после стольких лет в грязи,
Ее покинуть захотелось?

Ну, а без отчины куда?
Пусть и мала, и неприглядна,
Пусть грязь, да все ж таки среда!
Вот есть в наличии... и ладно!

В иных широтах здешний хват
Рискует стать ничтожно малым,

И чаще бунт его чреват
Позорным гибельным финалом,

Чем даже шансом на успех!
Едва ли противостоянье:
Один — единственный на всех.
Сотрут в песок, без покаянья.

А уцелеешь, значит сам
Себя сломал — перекурочил.
Под чью-то музыку сплясал
В угоду самым разным прочим,

Во исполнение мечты,
Убитой в пляске. Поздно плакать.
Ведь ты — уже не прежний ты,
Да и кругом кругом туман и слякоть»...

Нет! Отступить вдвойне грешно!
Во мгле свой курс вполне усвоив,
Я жаждал солнца! Где оно?
Большое? Рыжее? Живое?..

Светало. Лишь тяжелый снег
Валил из облачности низкой...
В усталой сказочной стране
Чего с похмелья не приснится!

ИМПЕРСКОЕ ЛИРИЧЕСКОЕ

Изваландали вандалов, на века ошельмовали!
Ну, а сами, ублажая сиволапых дикарей,
Сколько раз свой вечный город им с испугу отдавали,
Мертвой родиной торгуя ради пары сухарей

Да веселья циркового! Всенародная забава —
Дело издревле святое. Даже в случае войны,
— Хлеб да зрелища! — упрямо пела римская орава.
Мудрено ли, что холопы перекрашенной страны,

Возжелав подметных песен, о любви заголосили,
Мол, никто нас не разлучит, только мать сыра земля!
Но с чего-то возомнили, дескать именно в России,
К деревенскому колодцу приковали журавля.

Вновь «петровским» было время! Пусть Петра недоставало!
То-то шороху давали оголтелые птенцы,
Меж собой деля гнездовье вероломно и кроваво,
Сквозь побитых прорастая в основатели отцы

И сегодня, тем, кто сверху, вторя слаженно и бодро
(Ведь иначе в новом мире не добьешься ни шиша),
Большинство прибавит в теле. Невесомая свобода —
Это, граждане, при жизни отлетевшая душа,

И чего о ней впустую?! Разбираться неохота,
Где библейские заветы, где заветы Ильича!
Лишь бы сыпалась в атаку забубенная пехота,
Перевязывая раны счастьем с барского плеча...

А куда подует ветер — не робей, собаки, сбрешем!
Врежем хором, пострашнее самой бешеной грозы!
Ты прости меня, родная... Что ж поделать, если грешен?
Оттого и не умею, прикусить больной язык!

Виктор Еремин
(г. Тула)

Еремин Виктор Иванович родился в 1954 г. Журналист. Окончил филологический факультет Тульского педагогического института им. Л. Н. Толстого. Член Союза журналистов России. С 1998 г. возглавляет областную общественно-политическую газету «Тульская правда». Сотрудничает с журналом «Приокские зори» и центральными печатными изданиями. Лауреат многих творческих конкурсов.

РОДНОЕ МЕСТО

Бабушке Елене Ивановне Харитоновой

Из многих, многих тысяч мест
Есть лишь одно родное место,
Как для России крепость Брест,
как для души — натальный крест,—
твой край, где проходило детство.

...Там руки бабушки твоей...
Она тебе погладит темя
Ладонью ласковой своей.
Вспоминанья детских дней...
Они забылись лишь на время.
Ты там посеянное семя...

НОСТАЛЬГИЯ

*Позвонил закадычному другу,
Не узнал одноклассник и долго молчал...
Дни колбком прокатились по кругу,
Получаю письмо, и признаюсь — с волнением читал:*

— Ты просишь: напиши мне про деревню,
Мол, не бывал на родине давно...
Наверное, уж выросли деревья,
что мы с тобой сажали под окном.
О чем писать... Деревни нет в помине,
Закрыли ферму, как исчез колхоз.
Нет школы, клуба, книжки на машине
Библиотекарь в город перевез.

Деревня как-то сразу опустела.
Век доживают только старики.
Дома стоят, и окна даже целы,
Но ночью в них не светят огоньки.

Кто помоложе, в город укатили,
Ты, встретивши, узнаешь их едва.
Да, о деревьях... Их давно спилили,
Как разобрали школу на дрова.

А про родных узнаешь на погосте.
Над ними ветер шевелит кусты.
К ним очень редко приезжают гости,
Чтобы поднять упавшие кресты...

* * *

*Я за все только Богу отвечаю
Я сегодня в себе наяву!..
И разлуку храню, будто встречу,
И разлукой, как встречей живу...*

БЕССРОЧНАЯ ОСЕНЬ...

Я на изломе солнечных путей
Стою один, влюбившись тихо в осень,
Вдыхая синь изменчивых полей
И запах трав, и скошенных колосьев.

* * *

Летят перелетные птицы,
Летят в неземные края,
И скопом последние листья
Уносятся в дым октября.

Листва отлетает с откосов.
Дрожит золотая межа,
И словно бессрочная осень,
Себя повторяет душа.

Душа, словно осень, без края.
И что ей родная страна?!
Она в этом мире чужая,
Она только Богу нужна.

Взлетает душа одиноко
За вольными птицами ввысь...
И, может, узнает до срока
Зачем ей бессмертная жизнь?

Я знаю, что все повторится,
Но все не вернуться назад...

Летят перелетные птицы,
И листья, как птицы, летят.

Во тьме — перелетные птицы,
В огне — неземная стезя...
Нельзя с этой жизнью проститься
И с Богом проститься нельзя!

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Никто не слышит голос Неба!
И на Земле, как вне Земли,
Рабы безумного ущерба
В грехе свободу обрели.

И бытие без человека —
Залог бессмертья Сатаны!
И будто сломанная ветка —
Душа в преддверии весны...

И как затишье — полнолуние...
И я в отеческом краю,
В тупом компьютерном безумье,
В лицо себя не узнаю.

И с верой в неземное чудо,
И о любви своей скорбя,
Я сам себя навек — забуду,
И вспомню вдруг... но не себя!

ЗАЛОЖНИКИ

Мы — осколки советской эпохи,
Нас не склеить уже, не сложить;
Хороши на излете иль плохи —
Надо век без надрыва дожить.

* * *

Мой народ, заложник власти,
Грезит все еще о счастье,
Средь бесчисленных разборок
Не поймешь — кто друг, кто враг,
Мы живем в глубинке тихо,
Ждем, когда минует лихо.
— Замордованный, забытый,
Воровской Москвой забытый,
В государстве криминальном
Как живешь, народ?
— Нормально!..

АНИКА-ВОИН

Один герой, конечно, не народ.
И все ж один бывает в поле воин.
Он за собой потянет нищий род,
И, значит, он из чести с волей скроен.

Ему поверят ближние в тоске,
Им эта жизнь до смерти надоела.
Слова писали в школе на доске,
Что до России жулику нет дела.

А их у нас в болезной развелось,
Как той заразы на нечистом теле.
Застряла в горле у России кость —
Бесчестье с воровством дуэтом спелись.

Ну, где ж конец пирам и сладкой лжи?
Ну, где ж конец в стране головетяпству?
Иль русскому в России уж не жить?
Иль русского опять толкают к рабству?

Ну, нет, постой, заря уже встает,
И в день ненастный прорываясь смело,
Труба Аники-воина
призывная поет,
Хоть ночь пока что петь и не велела...

НЕ УМИРАЙ!

Как будто вместо водки — политура,
А вместо храма — дровяной сарай;
Родимая моя литература,
Прошу тебя, молю: «Не умирай!»

Какая омерзительная сводня
Подсунула нам этот яд и мрак?
Мне без тебя мучительно сегодня
Среди бездушных ерников-кривляк,

Что сделали тебя сплошным приколом,
Провозглашая всяческую гнусь, —
Не обожгусь пылающим глаголом,
Над вымыслом слезой не обольюсь.

Где ты сокрылась, вечность золотая,
Серебряная, где ты нынче, где?..
Как, сколько лет к святому припадая,
Вдруг очутиться в этой пустоте?..

Юлия Воловикова
(г. Барнаул)

ОТПЕЧАТКИ

Воловикова Юлия Викторовна, родилась в 1987 г. в Барнауле. В 2009 г. окончила Алтайский государственный университет, экономический факультет. С 2009 по 2011 гг. училась в Лингвистическом институте. Живет в Барнауле. В 2010 г. стала лауреатом Пушкинской премии среди барнаульских авторов. Участник Всесибирского семинара молодых писателей — Барнаул, 2014 год. Живет в Барнауле.

ОТПЕЧАТКИ

Забуть слова... И мысли те глухие,
слепые, но упрямые, как прут.
Закреть глаза, которые соврут.
И улететь в созвездия иные —
иных имен, иных ночей и губ.
Я очень мал, я очень-очень груб,
чтоб слышать шепот рек и водомерок
тех иноземных дальних государств.
Но сердце велико у всех из нас
по самым точным объективным меркам —
оно живет без лести и коварств
и слышит далеко и без лекарств
тот дивный шелест рек и водомерок...
Мы — отпечатки сокровенных царств.

НОВОЕ НАЧАЛО

Весна, весна! А дальше — лето,
круговорот ночей и дней,
минут, часов... Все было спето,
но не на памяти моей.

А значит — новое начало
в тобой закрученной петле.
Мы столько лет, как время, мчались,
сегодня встретились в нуле.

Мы — точка в плоскости Вселенной.
Глубокий оставляя след,

кружим, танцуя против лени
метафорический балет.

* * *

Плыви далеко-далеко, за зеленую заводь,
а дальше — за шумный прибой и раскаты волны.
Плыви далеко, дальше места, где чувствует память,
плыви, даже если не знаешь, куда ты заплыл.

Плыви дальше мыслей корыстных о призрачном счастье
и дальше желания вдруг оглянуться назад,
пока за спиной не останется груз неподвластных
законов и правил и шум городских автострад.

Плыви дальше солнца и дальше багряных закатов,
и дальше своей самой глупой и детской мечты,
плыви, пока месяц сияет тебе бородатый,
и дальше последней
и самой последней
черты.

* * *

Теплых добрых снов и глазастой ночи!
Провода белеют, как нити сна,
и крадется тьма по болотным кочкам,
и грудная клетка опять тесна.

Я — бескрайних звезд золотых мерцанье,
ароматный лунный небесный свод
и шумящая суетою стая
птиц, решившихся вновь в полет...

И зеленый облик прохладных мыслей,
веткой ткнувшихся мне в окно,
тишина и нежность лохматых высей,
кадры спутанного кино.

* * *

Листья-люди летят, как птицы,
падая в центр Вселенной.
Им, порой, по ночам не спится,
грезятся перемены...
Хочется выпрыгнуть на свободу!..
Скоро луна на убыль...
А по утрам, как и прежде, воду,
в ржавые ловят трубы.

* * *

Очень сильно тебя люблю,
звездно-звездно и снежно-снежно.

Нарисую тебе зарю
в синем небе ночном безбрежном,

нарисую тебе луну
и деревья в лесу дремучем,
растворюсь в них и утону
каплей счастья в махровых тучах...

И забуду твои глаза
и, как полночь, шуршащий голос...
Чтобы мне никогда не знать,
чем закончится эта повесть.

* * *

Я с каждым шагом падаю, как в пропасть,
прошли столетия планов и дорог.
Идти в траве, не видя даже ног,
в означенную мне живую волость.
Какой-то есть особый в этом прок.

Я поняла, как ходят по воде,
и как летают птицей в сновиденьях.
Закрыв глаза перед лицом сомнений,
наощупь, наугад, по темноте
идут на солнце и проходят стены.

Олег Пантюхин
(г. Щекино)

ТЫ — ДРУГАЯ

Член Союза писателей России. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Наш постоянный автор.

ТЫ — ДРУГАЯ

Твоя постель полна цветов весенних.
Ты сладкой негой в них растворена.
На стену от свечей ложатся тени.
Ты в комнате своей совсем одна.

И сладких грез предчувствуя томленье,
Ты ощутишь какбудто в полусне
Необъяснимых чувств своих волненье,
Которое бывает по весне.

А утром, когда первые лучи
Коснутся глаз и губ твоих, играя,
Забудешь ночь и было что в ночи.
Проснешься и поймешь, что ты — другая...

ТАНГО

Я в ритме танго вел тебя,
А ты мне просто доверяла.
Сегодня в танце ближе стала
Ты как никто и никогда.
Я в этот самый краткий миг
У легкой музыки во власти
Всем телом и душой постиг
Прикосновение и счастье...

МОЯ ЛЮБОВЬ

Моя любовь горит сильнее,
Волною накрывает снова.
А ты уже который день
В плену у города другого.

А я хожу по площадям,
По улицам хожу, мечтая.
И город древний по утрам
В цветах прекрасных утопает.

В цветах сейчас душа моя,
В цветенье любящее сердце.
И свет небесного огня
Поможет нам с тобой согреться...

ДОЖДЬ

Сегодня дождь на улице весь день.
И все успехи, радости, удачи
Совсем не так уже и много значат,
Когда тебя со мною нет, поверь.

Моя душа размокла под дождем
Без голоса, без взгляда, без улыбки.
И все вокруг так призрачно и зыбко,
Когда с тобой в разлуке, не вдвоем.

Я у погоды солнца попрошу,
Чтоб нам светило в жизни ярким светом.
Зимой, весной, осенью и летом
Любовь в душе и сердце я ношу.

Ты, дождь, не плачь. Наступит ранний час
Весеннего и радостного утра,
Когда сияя, словно перламутром,
Придет любовь, соединяя нас...

Вадим Горинов
(г. Москва)

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ, Я ПРИЕДУ

*Родился в Москве в 1963 году. Закончил Московский авиационный институт.
Автор трех поэтических сборников.*

* * *

Если хочешь, я приеду,—
Как обычно: ближе к ночи.
Из-за двери — тихо очень
Спросишь,— ключ крутнется — следом.
Как обычно: сядем рядом:
Бесконечны разговоры.
...И — холодный свет — сквозь шторы —
На одежды —
беспорядок.

* * *

Немного сыра и дешевого вина,
И — быть бы рядом.
А — чуть тому назад — казалось — нам
Так много надо.
Весенним переулком — на закат
Лет через тридцать
Откроется простое. А пока —
Молчит и длится.

* * *

Рассмеяться, вдруг заметив —
Вот призвание мое —
В январе на голых ветках
Урожай из воробьев.
Просыпаться: солнце встало!
Вновь нахлынувшим апрелем.
На прогулку — снегом талым —
Шлепать — ах, какая прелесть!
Плыть, однажды став лучами,
Над землей (повсюду вместе!)

Тихо, чисто, как в начале.
Ничего опять не веся.

* * *

Бродить по улицам, мечтать.
Шататься без руля и смысла
Бог знает где... Уж лучше так,
Чем дома на диване киснуть.

Уж лучше ветер и зима,—
Попеременно — снег и слякоть:
Когда подует, будто март,
Когда метет и крутит всяко.

И вспоминаешь, что живешь.
Что есть дела важней и проще,
Когда торжественно идешь
Распахнутою снежной рощей.

Выходишь на трамвайный круг,—
На звон, на перестук, на память.
И, просветленный, имя вдруг
Роняешь легкими губами.

* * *

Вот так бы и состариться —
В безделье и любви.
Расслабленными пальцами
Знать волосы твои.

Расставленными вехами
Прوماхивать года.
И душу — также нехотя
Берущему отдать.

* * *

Любовью пишется легко:
Одним штрихом, одним дыханьем.
Наверно не было стихами
Все, что писалось до сих пор.

Какой подарок к Рождеству:
Помимо праздничного снега,
Понять, что я поэтом не был,—
Прийти к такому — самому.

Как будто свежим ветерком
Дохнуло ласково и томно.

Душа открыта и огромна:
Прими опять учеником!

* * *

Не уезжай далеко.
Не отлучайся надолго.
Это совсем нелегко,—
Что — и не выскажу толком.

Это — как в детстве в толпе
Вдруг оказаться забытым.
Этой (не слышать, не петь!) —
Нет изощреннее пытки.

Тупо сидеть и молчать.
Дело: возьмешь и оставишь.
Это не просто печаль,
Это — врожденная старость.

Рук (не мешают — твори!) —
Полная в жизни ненужность.
Это не сердце болит.
Это значительно хуже.

Это — прожить одному
Видно уже невозможно.
Это — в ответ твоему
Громкому — выдохнуть: «тоже...»

* * *

В поисках счастья, в поисках Бога.
(Есть же, наверное, где-то они)
Мне ведь и нужно, в общем, немного.
Просто немного нужно любви.

И догадаться будет нетрудно.
Сердце почует прежде всего.
Так и брожу я в поисках Чуда,
Веря в него и не веря в него.

* * *

Ничего, кроме песен,
Никогда не умел...
Опаленное место
Остается во мне.

Видно, выше не прыгнуть,
Чем задумано — там.

Вечно платой за крылья
Назначалась беда.

Два огромных, тяжелых.
Ни вдохнуть, ни поднять.
Словно темные шторы,
Заслоняют тебя.

* * *

Мне хватит кусочка стола —
В нем мир отражается целый.
Здесь звуки цепляет игла,
Здесь смотришь, как в прорезь прицела.

Охота, погоня, война,
Любовь к покоренному звуку —
Как нежно умеет она
Направить ведомую руку.

Чтоб снова возникли значки
Из хаоса многих звучаний
Простым продолженьем руки,
Вселенной моей окончаньем.

Ольга Фокина
(г. Усть-Илимск)

КОРАБЛИК

Фокина Ольга Викторовна — выпускница ННГУ им. Н. И. Лобачевского (каф. журналистики, филологический факультет). Организатор и координатор творческого объединения «СТИМУЛ», автор книги стихотворений, прозы и авторских песен «Дуэт» (Москва, 2005—2015 гг), книги стихотворений «Светлячок сильнее темноТЫ» (Новокузнецк, ISBN, 2016 г). Финалист международного литературного проекта им. Р. Казаковой и международной литературной премии им. А. Ахматовой. Лауреат международных конкурсов-фестивалей: “You’re super star”, «Талант-2016», проекта в Сан-Франциско, всероссийских конкурсов: «Восходящая Звезда», «Лучший урок письма», «Проба пера», «Край ты мой родной», конкурса «Молодежь Иркутской области в лицах», регионального литературного конкурса «Мир в твоих руках». Стихотворения и песни вошли в «Патриотическую пластинку».

КОРАБЛИК

Куда-то плывет мой кораблик
Назло всем ветрам и буре.
Быть может взлетит дирижабль,
А может потонет все...
Но я капитан упрямый,
Иду я к заветной цели.
И жизни цветная гамма
Несет победные трели.
В заливе небес лазурных,
В сиянье зеленого моря,
В потоке людей дежурных,
Мечте своей твердо вторя.
Кораблик мой не согнется,
И парус не повредится,
В душе моей — яркое солнце,
К мечте я лечу, как птица!
Куда плывешь, мой кораблик?
Не бойся свирепой бури,
Ты знай: не свернет твой всадник,
Быть может, и зря я рискую...

ВЕСЫ ПРАВОСУДИЯ

Перед чашей весов правосудия
Не прошу о пощаде небес.
Разве может спасти словоблудие?
Да и слезы имеют ли вес?
Я на цыпочках, без сожаления,
Вновь пройду по фрагментам судьбы.
Только с Божьим благословением,
Постараюсь дойти до черты.
Я молю об одном: дать спасения,
Чтоб смогла Человеком я стать.
Только нужно ли мне прозрение,
Если мир бесполезно спасать...

Я НЕ ИГРАЮ СВОЮ ЖИЗНЬ

Я не играю свою жизнь, я так живу.
Я не ломаю миражи, я их топлю.
Я с колыбели не игрок, и это рок.
И это вовсе не стихи, судьбы потоп.
Я в призме попыток наших дней смотрю кино.
И я смеюсь, где люди-судьи пьют вино.
Они вершат судьбы потоки, будто Бог.
Они никто, им не поможет Царь Горох.
Зачем даны мне ощущения, чувства-блажь,
Когда вся жизнь как в заточеньи, лишь мираж? .
Лекарство — разум-отключенье, алкоголь,
Ведь жизнь — всего лишь приключенье, где пароль?

ПРОЩЕНИЕ

Я прощаю вам зависть и подлость в поступках,
Я прощаю вам желчь на жестоких губах,
Я не слабая, просто иду на уступки,
Не хочу, чтобы память изныла в рубцах.
Я прощаю вам грех, злость, пороки, измены,
Я прощаю вам все, что прощает вам Бог.
Просто есть в этой жизни такие пределы,
Я желаю достойно пройти сто дорог.
Я прощаю вам взгляды, паршивые сплетни,
И препятствия те, что мешали идти,
Я прошу об одном, пусть лучи предрассветные
Помогают нам всем в полумрачном пути.
Сбереги же нас Бог от такого падения,
Что не в силах уже приподняться с колен,
Покажи нам святое свое направление,
Сбереги наши жизни от злых перемен.

Алексей Борычев
(г. Москва)

НИКОЛАЮ РУБЦОВУ

Член Союза писателей России, окончил с отличием в 1997 году МГТУ имени Баумана, кандидат технических наук, автор девяти книг стихотворений. Печатался в периодике России, Украины, Молдовы, Татарстана, Башкирии, Казахстана, США, Германии, Финляндии, Израиля, Австралии. Основные публикации в газетах: «Литературная газета», «Российский писатель», «Московский литератор», «День литературы», «Культура» (Россия), Основные публикации в журналах «Новая Юность», «Смена», «Юность», «Нева», «Аврора», «Наши современник», «Южная звезда», «Московский вестник», «Журнал ПОэтов», «Волга 21 век», «Байкал», «Ковчег», «Вестник российской литературы», «Вокзал», «Литературный меридиан», «Нива» (Казахстан), «Лава» (Украина), «Аргамак» (Татарстан), «Наше поколение» (Молдова), «EDITA» (Германия), «Время и место» (США), «Русский свет» (Финляндия), «Жемчужина» (Брисбен, Австралия), альманахах «Истоки», «День поэзии» 2011 г., «Новый енисейский литератор», «Сияние лиры», «Муза» (все — Россия) и др., многочисленных сетевых публикаций, лауреат литературной медали «А. С. Грибоедов».

НИКОЛАЮ РУБЦОВУ

Это были стихи. Это были стихи!
Просто были стихи... но какие! —
Отмывалась душа. Отпускались грехи.
Это — вечная боль по России.

Это были не рифмы, а рифы, на них
Разбивались бесчувствия шхуны.
Вот таков и бывает он, подлинный стих.
Вот такие звенящие струны!

Кто осмелится после еще написать —
Это будет подобье подобий.
Устремись мысль и чувства под небеса —
Не получится; даже не пробуй!

Только чистый простор ненаписанных строк,—
Он все манит тебя, он все манит.
Кто же, кто преподаст тебе новый урок
В этом горестном жизни тумане?

МНЕ БОЛЬНО ДУМАТЬ О ТЕБЕ...

Мне больно думать о тебе,
Многострадальная Россия,
Изнеможенная в борьбе
За процветание... Спроси я:

«Скажи, зачем тебе оно,
Ведь ты и ветхая прекрасна?..
Горчит старинное вино,
Но пьется в радости и страстно!

Тебе идет тоски печать.
Бог за тебя. С тобой и сам он! —
Холмов летящая печаль
И белых дней лучистый саван».

Не отвечаешь ты. Молчишь.
И лишь туманы шевелишь.—
Молчание мудрее слова...
Ты — к новым подвигам готова.

КОГДА УШЛА ТЫ В НОЧЬ...

Когда ушла ты в ночь из дома моего,
Свечение времен сверкнуло и погасло,
И задрожал хрусталь забытых мной тревог,
По рельсам белых дней текло, пролившись, масло...
В петле из ста проблем повесился мой мир
И смерти всех удач, как яд, вошли под кожу.
И бряцала весна на струнах старых лир,
Расстроенных тобой и мною, впрочем, тоже!
А ты брела по дням в скрещении лучей,
Которые всегда светили нам обоим,
И звал тебя покой, просторный и ничей.
Ведомая судьбой, сама была судьбою!
По небесам сердец, забытых и пустых,
Прошла огнем побед над суетностью дольней
В края высоких снов, как детский мир, простых,
Где духу твоему и легче, и раздольней.

Хоть не было меня в пространстве снов твоих,
Ты кольцами ночей сплетала зыбкий невод —
Ловить мечты мои, где был с тобою в них,
А после воскрылять в сновидческое небо.

КОГДА Б...

Так много мест чудесных. Я б пошел
Туда, забыв о том, что было счастье.

Наверное, мне стало б хорошо,
Когда б не знал, что надо возвращаться.

Так много мест прекрасных. Я б поплыл
Туда, к былому будто непричастный,
Но вряд ли, вряд ли мне хватило б сил,
Придя обратно, к ним не возвращаться.

Закат воспоминаньями объят,
Но ведь любой рассвет — лишь тень заката.
И в будущее я поверить рад,
Когда б прошедшим не было распято!

УСНУВШАЯ ТИШИНА

Заблудившись между елей,
Тонким голосом свирели
Разрыдалась тишина,
Брагой вечера пьяна.
На тропе вечерней, мгlistой
Сквозь апрельскую весну
В мягкой шапочке из листьев
Кто-то кликал тишину.
Раздавался по туманам
Чей-то звонкий голосок
Средь густого балагана
Оживающих лесов.
Оживающих, смотрящих
На весну во все глаза,
Голосами птиц звучащих
И прозрачных, как слеза.
И напрасно кто-то кликал
Тишину — она спала
До зимы в цветенье бликов
У елового ствола.

ПЕСНЯ О БЫЛОМ

Плыву, плыву я по реке,
От берегов невдалеке.
А вдоль реки, а вдоль реки,—
Бегут, бегут березняки.

Истомный зной, и тишина
Моим былым напоена,—
Всем тем,— что было и прошло...
Но так в душе моей светло!

Осока, плески весел, хвощ.
Весенний гам. Дыханье роц.

Стрекоз оравы надо мной.—
Вот — милый мне предел земной.

И — по реке плыву один.
И — от бывшего — грустный дым.
И лишь смеются вдоль реки
Березняки, березняки...

ПОД СВИРЕЛИ ВЕТРОВ

Последний летний день с небес слетел,
Прохладно стало темными ночами.
На мягкую лиственную постель
Покой ложился тихими лучами.

Простор лесов прозрачнее, светлей.
Гуляют переливчатые блики
По сумраку пустеющих аллей
Под журавлей прощающихся клики.

Рядится осень в алые шелка,
И ветры, как осипшие свирели,
Свистят, и гонят, гонят облака
По выцветшей небесной акварели.

Ах, осень, осень... ты ли это? Я ль
Попал в твои холодные объятия?
И — понимаю:
Если есть печаль,—
Она приходит в самых ярких платьях!

СОВСЕМ ОПУСТЕЛИ ТРОПИНКИ МОИ

Совсем опустели тропинки мои.
Лишь память над ними совою летает,
И мысли кричат, будто вороны в стае,
Что осень дана одному — не двоим...

Что мир бесконечных цветных одиночеств,
Которыми чуткие души полны,
Натянут до звона осенней струны
На скрипке дождливой сентябрьской ночи.

И в танцах срываемой ветром листвы
Легко угадать отраженное лето:
Все вроде бы то же безумие света,
Но дни в опадающем свете мертвы...

И циркулем в прошлом пропавшего счастья,
Его острием — воплощенной мечтой —

Очерчен магический круг несогласья
Души с приближающейся пустотой.

Вне круга того — декабри на излете,
Внутри — расцветающий грозами май.
В том круге — грядущего знакам внимай
Как свету огней на туманном болоте.

НЕ НАДО НИЧЕГО...

Не надо ничего... букет
Пылает ярко в вазе.
И слово тихое «привет»
Я слышу в каждой фразе.

Окно. Весна. И небеса.
И то — что с нами было...
Опять листва... Опять гроза.
Легко. Свежо. И мило.

И только там, где чей-то сон
Гуляет важно, гордо,
Закатной грезе горизонт
Располосует горло!

ТО НЕ ВЕТЕР СВИСТИТ...

То не ветер свистит, то не птица пищит.
Это север струится сквозь сито
Тонкоствольных берез, и, рисуя мороз,
Через сердце печалью сквозит он.

Умирает февраль, вьюжит снежную даль,
А, когда затихают метели,
То, надув паруса, вдаль плывут небеса,—
В акварельные воды апреля.

Через слякотный март, без компАса и карт,
Уплывают небесные шхуны...
И веселые дни зажигают огни
И колеблют весенние струны.

Все земные места, как горящий кристалл,
Отражающий сонное время,
Освещают простор, будто спица, остер —
Он сверкает в иных измерениях...

То не ветер свистит, то не птица пищит.
Это север струится сквозь сито
Тонкоствольных берез, и от солнечных слез
Через сердце весной сквозит он.

ПЛАТФОРМА «ЯУЗА»

На платформе «Яуза» нету никого.
На платформе «Яуза» нету ничего.
По перрону прыгает одинокий лист.
Над платформой «Яуза» вечер свеж и чист.

И ни звука-отзвука. Пустота молчит.
Догорают в воздухе поздние лучи.
На платформе «Яуза» будто бы не я.
На платформе «Яуза» тень небытия.

Что же это, Боже мой!.. Где же, где же все?..
Прокатилось по сердцу злое колесо.
Фонари неяркие. Я стою. Темно.
«Острова Лосинога» черное пятно.

И сигналы поезда что-то не слышны.
На платформе «Яуза» — царство тишины.

То, чего не стало здесь — мне сдавило грудь...
От платформы «Яуза» — мой последний путь.

